

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ В РУССКОЙ РЕЧИ (На материале художественной литературы XIX—XX вв.)

Б. М. СИНОЧКИНА

В современном русском литературном языке совместное употребление двух равнозначных или близкочужных слов практикуется, в основном, при вводе в речь потенциально неизвестных лексем; семантическому дублированию сопутствует пояснительная интонация, а на письме — соответствующая пунктуация. Сочетания синонимов, отмеченные в нашей классической поэзии, — дань намеренной архаизации поэтического языка, продолжение старых языковых традиций.

Исследование, однако, показывает, что сочетания синонимов с предельно близким или даже тождественным значением свойственны не только так называемой „высокой“ поэзии: пожалуй, еще больше их находим в традиционно низких жанрах. Так, изобилует синонимическими парами язык басен И. А. Крылова. Приведем несколько примеров: Где делся *и совет и лад*? С Пилладом мой Орест грызутся (Собачья дружба). Охотник, взяв ружье, патронницу, суму, И друга верного *по нраву и обычью*, Гектора, — в лес пошел за дичью... (Охотник). Известно, что змея умна: Так вкралась к Мужичу она, что ею только он *и клялся и божился* (Крестьянин и Змея). Чтоб было впредь плутам *и страшно и опасно* (Щука).

Чтобы дать представление о лексическом разнообразии крыловских синонимических сочетаний (в том числе и устойчивых), приведем далее лишь сами пары в необходимом для понимания контексте¹: друга *потешить, позабавить* (с. 64); крестьянин *тужит и горюет* (с. 83); о всем *и рядит он и судит* (с. 87); вел со Львом *приянь и дружбу* (с. 94); *и в честь вхожу и в славу* (с. 108); дождь *ругают и поносят* (с. 112); друзья *умаялись, утомились* (с. 131); дубу от него *вся честь и похвала* (с. 134); курятный двор *ухитить и уладить* (с. 139); никакого не знал *ни промысла ни ремесла* (с. 145); хозяин был *и скряга и скупец* (с. 176); наелась желудей *досыта, до отвала* (с. 168); пока они *судили, да рядили*, да войс-

¹ Цит. по [Крылов, 1956]. Здесь и далее в скобках при цитате арабскими цифрами указывается том (где это необходимо) и страница издания.

ко разводили (с. 202); молодец в кручине и печали (с. 203); корабль достигнул пристани и цел и невредим (с. 204); и рвет и мечет он с досады (с. 207).

Не чужды синонимические пары и там, где различие в семантике компонентов минимально или его вовсе нет, не чужды они и прозаической литературной речи. Приведем некоторые примеры: ...увлекаемый невольным очарованием их *аллегорий и иносказаний*, я не мог не забываться [Белинский, 1956, с. 176]; Ефремов — *дитя, ребенок*, и у него абсолютной жизни нет даже и в представлении [там же, с. 166]; Степан Петрович, привыкший, что его трепетали... не мог уже не требовать *страха и трепета* от домашних [Добролюбов, 1962, с. 316]; Буквари... перья, бумага и проч. — все это покупалось на деньги, добываемые *трудом и потом* крепостного мужика [Григорович, 1896, с. 202]; Пьер закрыл лицо... оно теперь выражало *ужас и страх* [Толстой, 1951, с. 43]; Для этого прекрасного создания было какое-то бесконечное наслаждение *прощать и миловать* [Достоевский, 1972, с. 225]; Правда, он *клялся и божился*, что не пропьет этих денег... [Короленко, 1971, с. 44]; Но не плачут сладко и не поют своих скорбей те, которым и впрямь нет нигде *ни пути, ни дороги* [Бунин, 1966, с. 71].

Характерно, что в художественной литературе XIX в. синонимические сочетания уже не столь повсеместны, как это наблюдалось в литературе древнерусского и старорусского периодов [Синочкина, 1980, с. 73—75], и во многом зависят от языка и стиля автора. Так, мы почти не встретим их, за исключением устоявшихся, традиционных сочетаний (тяготеющих к фразеологизмам), в прозе И. С. Тургенева; редки они в произведениях В. Г. Короленко, зато, напротив, необычайно богат ими язык Н. В. Гоголя. Возьмем, к примеру, его повести [Гоголь, 1937—1952]: Все согласны в том, что у нас есть много прекраснейших *физиогномий* и прекраснейших *лиц*, но не было до сих пор средства передать их на чудотворный холст (т. 3, с. 98); Я не люблю *трупов* и *покойников*, и мне всегда неприятно, когда переходит мою дорогу длинная погребальная процессия (т. 3, с. 33); И, назевавшись *вдоволь и досыта*, взбился он к ресторану (т. 3, с. 225); ... приставал к той или другой партии, *горячо и жарко* принимая к сердцу все интересы (т. 3, с. 227).

В одних только „Мертвых душах“ мы насчитали более пяти десятков синонимических пар самого разного свойства. Это и дублиеты: обстоятельства *фамильные* и *семейственные* (т. 6, с. 104); перемена *лиц* и *физиогномий* (т. 7, с. 166). И синонимы, различающиеся стилистической принадлежностью: *смекнул* и *понял* дело (т. 6, с. 225); принялся за одеванье *живо* и *скоро* (т. 6, с. 211); все меняется *быстро* и *живо* (т. 6, с. 224); *опомнились* и *очнулись* (т. 6, с. 90); *не угощай* и *не потчевай* никого (т. 6, с. 225). Большую же часть сочетаний составляют синонимы, чьи семантические и эмоционально-экспрессивные различия выражены весьма неотчетливо. Ср.: Едва только ушел назад город,

как уже пошли писать, по нашему обычаю, *чушь и дичь* по обеим сторонам дороги: кочки, ельник... и тому подобный вздор (т. 6, с. 21); Дома он... большею частью *размышлял и думал*, но о чем он думал, тоже разве богу было известно (т. 6, с. 24); Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдает *назад и обратно* (т. 6, с. 127); Чичиков расположился бриться, чему, впрочем, давно была *пора и время* (т. 6, с. 211); Ничто *не обольстит и не очарует* взора (т. 6, с. 220). Иногда это устоявшееся широко употребительное в живой разговорной речи сочетание, но все же еще не представляющее собой фразеологизма²: человек *без племени и роду* (т. 6, с. 36); приметесь *за труд и пот*³ (т. 6, с. 139).

Сопоставив синонимические пары, представленные в лирической поэзии, с сочетаниями синонимов, извлеченными из произведений „низких“ стихотворных жанров и из художественной прозы, приходим к выводу, что если в первой это в подавляющем большинстве традиционно-книжные лексические атрибуты поэзии (*восплакать и возрыдать, судьба и рок, мечты и грезы*), то во вторых они значительно разнообразнее как тематически, так и по своим стилистическим качествам. Кроме того, если в лирике разных поэтов частотность употребления синонимических пар приблизительно одинакова⁴, то в прозе (и „прозаических“ стихотворных жанрах) она подвержена значительным колебаниям: от почти полного отсутствия (Тургенев, Короленко) до насыщенности (Крылов, Гоголь).

Видимо, не случайно наиболее употребительны они в творчестве тех художников слова, чей язык ближе всего к народно-разговорной речи. Язык этих авторов представляет собой не рафинированную, сугубо книжную речь, а эмоционально-выразительное повествование, допускающее множественные отклонения от действующих норм литературного языка (как это наблюдается в живой речи) и становящееся от этого под пером искусного мастера лишь красочнее. Употребление сразу слов с совпадающей семантикой (*чушь и дичь, пора и время, назад и обратно*) придает речи автора ту эмоциональность и непринужденность, которая характеризует речь разговорную. В этом смысле авторская речь не отличается от речи персонажей. Ср. в пьесах Гоголя: **Кочкарев**: Дай бог, чтоб ты прожил благополучно, в *довольстве и достатке*... (т. 5, с. 58); **Хлестаков**: И точно, бывало, как прохожу через департамент — просто землетрясение, — все *дрожит и трясется*, как лист (т. 4, с. 481).

² От подлинной фразеологической единицы его отличает свободный порядок слов, неограниченность словоизменения, пронцаемость структуры.

³ Ср. в речи Чичикова: *Трудом и потом*, кровавым потом добывал копейку (т. 7, с. 253).

⁴ Исключая творчество поэтов, стилизовавших свои произведения под народно-поэтические.

Следует предположить, что сочинение слов тождественного или предельно близкого значения, уже ощущаемое в письменном литературном языке XIX в. вследствие сдвигов в лексико-семантической системе как избыточное, ненормальное (за исключением устоявшихся, широко распространенных сочетаний, тяготеющих к лексикализации), все еще находило почву для бытования в языке разговорном. Жизнеспособность синонимическим сочетаниям в разговорной речи обеспечило как раз то, что отличало ее от книжно-литературного языка. Во-первых, устная (ненормированная) речь не знает жестко регламентированного словоупотребления (именно подобное словоупотребление сделало выпуклыми различия между сходными по семантике словами, чем исключило возможность их одновременного употребления в литературном языке). Во-вторых, для разговорного языка характерно стремление к повышенной экспрессивности выражения, что и достигается, в частности, семантической тавтологией.

По этим же причинам одновременное употребление слов-синонимов в целях усиления (или уточнения) значения до сих пор известно современным народным говорам, хотя и представляет там, на наш взгляд, явление отмирающее, что не в последнюю очередь связано со все возрастающим влиянием литературного языка. Так, Н. А. Лукьянова отмечает в сибирских говорах сочетания синонимов типа *кричать-реветь*, *мир-народ*, *знать-ведать* (употр. с отрицанием), *пороблено-пороботано*. Приводит автор и контексты одновременного употребления синонимов. Напр.: *И не знала я и не ведала*, что раньше-то здесь было, до нашего приезда... [Лукьянова, 1972, с. 173]. По мнению автора, „дополнительное значение подобных конструкций — „очень много“ или „в высшей степени“ — как бы доминирует над лексическим значением синонимов“ [там же, с. 174]. Источником же данной синонимии исследователь считает язык устной народной поэзии XVII—XX вв., что, на наш взгляд, лишено основания.

Действительно, сочетания типа *мир-народ*, *знать-ведать* широко распространены в фольклоре, однако говорам известны и сочетания узкодialeктных синонимов, не употребительных в языке устной поэзии, представляющем собой своеобразный „литературный“ вариант народной речи. Так, исследуя в рязанских говорах синонимический ряд прилагательных *огребной*, *осыпной* и *обломный* с исходным значением ‘представленный большим количеством единичных предметов’, Т. С. Коготкова констатирует, что крайняя степень усиленной экспрессии „достигается соседством в одном отрезке речи обоих синонимов: яблоки *огребные-осыпные*, лягушки *огребные-осыпные*, рыба *осыпная* да *огребная*, помидоры *огребущие-осыпущие*“ [Коготкова, 1966 с. 302—303].

И. А. Оссовецкий, отмечая в говорах временное сосуществование слов диалектных и литературных, в парном употреблении таких тождественных по семантике слов видит возможность слияния их в одно сложное слово: добре + очень > добреочень [Оссовецкий, 1962, с. 113].

Любопытно проследить за отражением данного явления ненормированной устной речи в художественной литературе XX в. Разумеется, мы далеки от мысли рассматривать речь литературных героев в качестве первичного материала для лингвистического исследования. Автор строит речь своих героев в соответствии с собственными идейно-художественными замыслами. Даже в совершенстве зная речь изображаемой в произведении социальной среды, он никогда не воспроизводит ее „в натуре“, во всех подробностях, а отбирает лишь яркие штрихи, могущие служить средством социальной и психологической характеристики героев, своеобразными „сигналами“ (просторечные, диалектные, жаргонные и т.п. элементы) на нейтральном фоне литературной в своей основе речи. Так, в речевой характеристике героев центральное место занимают лексические и синтаксические особенности как наиболее показательные. Зато получающие отражение черты носят у писателя-реалиста объективно типический характер.

Возьмем, для примера, сборник рассказов М. Горького „По Руси“ [Горький, 1951]. Основные действующие лица путевых зарисовок — русские крестьяне и мещане (зачастую также выходцы из крестьян). В их речи встречаем самые разнообразные по семантике сочетания синонимов, в основном бессоюзные. В подавляющем большинстве случаев функция их отчетливо усилительная. Приведем наиболее характерные из этих сочетаний. Мещанка Фелицата:... Уж и не знай, как не ослепла *от жару-полымя* бесстыжих зенок ихних! (с. 70). Велогонов, торговец „случайными вещами“: Извратился, забыл, что у нас своей рыбы *предостаточно-довольно* (с. 73). Безымянные пассажирки 3-го класса на пароходе: Яша, *не надо, не надобно* (с. 108). Вот я те скажу *историю-случай*... (с. 123). Тульский мужик Конев: Одолела меня *бедность-нищета*... (с. 132). Отставной солдат, калужанин: Жара. *Духи-запахи*, все одно как аптека, або — лазарет (с. 157).

Однако синонимические пары встречаются и в речи отставного поручика Хорвата, человека образованного. Но употребляемые им сочетания синонимов носят несколько иной характер, чем вышеприведенные: это союзные сочетания слов, нейтральные или книжные по окраске. Ср.: Значит, признано, что жизнь — *трудна и тяжела*. Почтите же достойно отбывших — они ради вас несли при жизни *бремя и ярем*, — ради вас! (с. 95). Речь этого старика-философа риторична и слегка архаизована, чем, видимо, и объясняются книжные сочетания синонимов.

В авторской речи синонимические пары почти отсутствуют у М. Горького. Приведем единственный обнаруженный нами пример их авторского употребления: Нам делать нечего, и мои товарищи *маются-страдают* в скуке безделья... (с. 154).

Следует отметить, что никто из перечисленных горьковских персонажей (за исключением Фелицаты — она мастерица „причитать“) не причастен к устному народному творчеству, и автор передает их общеходно-бытовую речь. Интересно, что порой писатель, воссоздавая в своем произведении чью-то речь, близкую к устно-поэтической, как бы специально для нас оговаривает это отсутствие активной причастности к фольклору, еще раз заставляя задуматься над общностью языковой основы народно-разговорного и народно-поэтического языка. Так, Ф. Гладков сообщает об одной из героинь своей автобиографической „Повести о детстве“ [Гладков, 1958 — 1959]: Бабушка Наталья дышала искренностью своих слов: для нее ни одно сказанное слово не пропадало даром, для нее сказать — значило выразить то, чем в данную минуту живет ее душа. Я никогда не слышал, как она пела, но речь ее всегда похожа была на песню. Не рассказывала она мне и сказок, но каждый ее рассказ о пережитом похож был на увлекательную сказку (т. 4, с. 147). Речь именно этой героини изобилует синонимическими повторами, аналогичными фольклорным. Ср.: *И не думай, матушка, не гадай*: сейчас же Машку за Фильку Сусина отдавать надо... (т. 4, с. 143). Идут и идут *по разным путям-дорогам* (т. 4, с. 143). Подобные повторы как союзные, так и бессоюзные встречаем и в речи других действующих лиц трилогии Ф. Гладкова, напр.: *А грусть-тоску прогнать* — это... не всякому дадено (т. 5, с. 88). *А помочь-то обчая все споры да раздоры* как рукой снимала (т. 4, с. 232). Не побрезгуйте, соседусшки дорогие, не обессудьте нас *за скромную мир-беседу* (т. 4, с. 240). Прокачу вихрем! Засыплю *колокольчиками-бубенчиками* (т. 4, с. 268). Мы *по-добру и по-милу* землю-то у барина купить хотели... (т. 4, с. 384).

Синонимические пары, таким образом, следует рассматривать не как прямое заимствование из фольклора, а как явление, свойственное народной речи в целом. Из одного источника черпают свои выразительные средства как быденная, так и художественная народная речь. Любопытно, с этой точки зрения, синонимические повторы в речи гладковского героя Маркела, чьи афористические высказывания по сути и по форме чрезвычайно напоминают произведения малых жанров фольклора — пословицы и поговорки: Не та собака злая, которая лает, а та, которая *тишком да молчком* за портки цапает (т. 5, с. 33). Была бы *сила да мощь* у Маркела — он всегда у дела... (там же). Скорее всего здесь мы имеем дело не с воспроизведением готовых фольклорных форм, а с речетворчеством по законам устной поэзии. „Сиюминутность“ данных высказываний, отличие их от бытующих в народе издавна произведений

пословично-поговорочного жанра выдает, в первом случае, отсутствие лаконизма, во втором, — обыгрывание имени автора. Как видим, и в этом, переходном от обыденного к поэтическому, виде речи, вполне естественно выглядят сочетания лексических синонимов.

Широко представлены синонимические повторы и в авторском повествовании Ф. Гладкова. Приведем некоторые примеры: Храп деда потрясает стены, и в груди у меня все *дрожит и трясется* (т. 4, с. 12). Она сурово молится, потом подходит, *тяжелая и грузная*, к матери... (т. 4, с. 19)... У баб было много причин *голосить и плакать* (т. 4, с. 21). ...И мать мне чудится *юлой, кубарем*, который подхлестывается кнутом, чтобы он катился и летал неустанно (т. 4, с. 25). Он потешал всех... и сам смеялся *радостно и весело* (т. 4, с. 388). Жили они в своей семье дружно, и никто не слышал, чтобы у них были *свары и раздоры* между собою (т. 4, с. 391).

Интересны результаты наблюдений над парной (глагольной) синонимией в творчестве других советских писателей. Как установила Н. П. Башнякова, такая конструкция не присуща прозе А. Фадеева, нечастое явление в языке К. Паустовского и лишь изредка отмечается у Л. Леонова. В ткань произведения сочетания вводятся, как правило, с неременным указанием на применение их конкретным персонажем из народа. И лишь у некоторых писателей, наиболее широко отражающих в своем творчестве народные говоры, „сочетания двух глаголов-синонимов представляют собой органический элемент авторской речи“ [Башнякова, 1966, с. 83]. Так, не случайно авторская речь оказалась проницаемой для не свойственных современному литературному языку парных сочетаний синонимов именно у М. Шолохова и Ф. Гладкова.

SYNONYMIC REPETITIONS IN RUSSIAN (19th – 20th centuries literature)

B. M. SINOCHKINA

Summary

Synonymic collocations in Old Russian were used as the necessary means in defining and strengthening semantic meanings of words. Owing to the development and perfection of the language and its lexico-semantic system, the usage of these synonymic collocations became inexpedient.

As a relic, synonymic collocations are preserved in speech which is more expressive and not so precise. Nowadays synonymic repetitions are found in fiction thanks to the fact that fiction reflects all the phenomena of any spoken language.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Башнякова, 1966 — Башнякова Н. П. Сочетаемость глагольных синонимов в современном русском языке (на материале художественной прозы 40—50-х годов XX века). — В кн.: Исследования по грамматике и лексикологии. Киев, 1966.
- Белянский, 1956 — Белянский В. Г. Полн. собр. соч. — М., 1956, т. 11.
- Бунин, 1966 — Бунин И. А. Собр. соч. — М., 1966, т. 5.
- Гладков, 1958—1959 — Гладков Ф. В. Собр. соч. — М., 1958—1959, т. 1—8
- Гоголь, 1937—1952 — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., Л.—М., 1937—1952, т. 1—14.
- Горький, 1951 — Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. — М., 1951, т. 2 (По Руси).
- Григорович, 1896 — Григорович Д. В. Полн. собр. соч. — СПб., 1896, т. 2.
- Добролюбов, 1962 — Добролюбов Н. А. Собр. соч. — М.—Л., 1962, т. 2.
- Достоевский, 1972 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. — Л., 1972, т. 3.
- Коготкова, 1966 — Коготкова Т. С. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования. — В кн.: Славянская лексикография и лексикология. М., 1966.
- Короленко, 1971 — Короленко В. Г. Собр. соч. — М., 1971, т. 1.
- Крылов, 1956 — Крылов И. А. Соч.: В 2-х т. — М., 1956, т. 1.
- Лукьянова, 1972 — Лукьянова Н. А. К вопросу об источниках диалектной синонимии (на материале современных говоров Новосибирской области). — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Докл. III Межвузовск. конф. Новосибирск, 1972.
- Оссовецкий, 1962 — Оссовецкий И. А. Влияние литературного языка на говоры. — В кн.: Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962
- Синочкина, 1980 — Синочкина Б. М. Фольклорная поэтика и история языка. — Кабулота, 1980, 30 (2).
- Толстой, 1951 — Толстой Л. Н. Собр. соч. — М., 1951, т. 4.

*Вильнюсский государственный
университет им. В. Капсукаса
Каунасский вечерний факультет*

Ноябрь, 1980